

Юля Лісца
stromkaja@gmail.com

Сёння ветрана

Алёна
Вітя/Віця
Папавіці
Мамавіці
Женя

Ладна, ім там самім платоў наставілі... Людзей шмат, а ўціснуцца няма як. Трэба ўрэшце напісаць гэтую скаргу ў выканкам, няхай ужо разб'яруцца з гэтым акадэмічным вэрхалам. Паляцелі, мой даражэнькі, яшчэ мусім паспець... хоць раз у жыцці, хех.

АЛЁНА імчыць што ёсць сілы на прашпекце, збочвае ўправа, уздымаецца вышэй па вузкай вулачцы. Уздоўж вуліцы паставілі "лясы" і пачалі рамонт. АЛЁНА спазняецца, яна не чакала рамонту, ніхто не чакаў_ла – усе таўкуцца ў вузюткім зазоры паміж "лясамі" і прыпаркаванымі тачкамі. На дрэвах вакол шамаціць лісце – АЛЁНЕ ад гэтага становіцца троху лепей. Яна спускаецца з ровара і ідзе па вуліцы пешкі, павольна везучы ровар побач. АЛЁНА спазняецца.

Дзея 2. У офісе

Офис, где работают АЛЁНА и ЖЕНЯ.

ЖЕНЯ сидит за столом, мешая ложкой кипяток в стакане, смотрит на пустой Алёнин стол, говорит раздражённо, но вполголоса.

ЖЕНЯ: Алёна, блядь, ну Алёна!.. (Громко выдыхает, молчит с полминуты, лицо напряжено.) Ладно, тихо, Женёк, давай поспокойней. Как там на терапии было? (Немного расслабляется, говорит более протяжно, достаточно громко) Алёна, я очень злюсь на твоё поведение, вот прямо очень. Мне неприятно, что все наши договорённости летят к чертям и ты (смущённо)... игнорируешь мои просьбы не опаздывать.

ЖЕНЕ становится неудобно, он начинает ёрзать на стуле и широко улыбаться. Резко меняет тему, говорит громче.

Ну и бред... «Договорённости», сука... Что это вообще за слово? Как-будто спецом придумано для офисных воротничков – строгое, длинное и сухое. И очень приставучее. Хотя, с другой стороны, нам рассказывали на терапии, что договариваться – важное умение, и вообще-то не каждый сможет. Договаривались-договаривались, мы с тобой, Алёна, да так и не договорились-недовыго... недовыговорились. (Меняется в лице). Ты, блядь, меня подставляешь вот уже кучу времени, каждый божий день. Да я не просто злюсь, я уже на конкретном коне!..

ЖЕНЯ на автомате отпивает из кружки кипятка, обжигается. В это мгновение входные двери открываются, ЖЕНЯ мгновенно реагирует:

Вот оно, явление Христа! Если ты сегодня опять в этих лосинах, я точно убью... себя. Больше не могу на это смотреть!

В офис заходит ВИКТОРИЯ.

ВИКТОРИЯ: И вам доброе утро. Я, вижу, вовремя?

ЖЕНЯ подрыгается с места, подбегает к ВИКТОРИИ, тархтит что есть мочи:

ЖЕНЯ: Ой, доброе утро, Виктория, очень извиняюсь! (Виновато улыбается). Вот жду коллегу, а она как сквозь землю провалилась! Ещё и лосины эти любит, ну, знаете, велосипедные. Лосины такие с трусами, издалека видно... Не знаете? Считаю, что вам очень повезло. (Подмигивает, коротко и громко смеётся в одиночестве. Смущается). Виктория, пожалуйста, проходите в конференц-зал, сейчас заварю вам кофе... Или может чаю?

ВИКТОРИЯ: Лучше чаю. Зелёный у вас есть?

ЖЕНЯ: Да-да, конечно. Вроде был... Есть... Там на столе есть наш каталог, можете полистать. Вы пока располагайтесь, а чай я через пару минут принесу. Ещё раз извините. Проходите...

ЖЕНЯ открывает двери, ВИКТОРИЯ проходит в конференц-зал, ЖЕНЯ немного растерянно смотрит ей вслед, закрывает двери. Тихо, почти про себя:

Лосины с трусами? Блядь...

Дзезя 3. Радасныя навiны

ВИТЯ в своей комнате собирается на работу. Он неспокоен и немного рассеян – из раскрытого рюкзака по очереди вываливаются мышка, затем бумаги, свитер он надевает задом-наперёд. ВИТЯ на автомате начинает подбирать вещи с пола, переодевать свитер. Видно, что он волнуется.

Зал. На полу лежит большой бордово-коричневый советский ковёр, в секции аккуратно расставлены хрустальные наборы и вазы. Негромко работает телевизор, МАМАВИТИ гладит бельё – она не смотрит в телевизор, но двигается под музыку из него. Выступает молодой белорусский артист.

На кухне. ПАПАВИТИ, в трусах, носках и без майки сидит за столом, сёрбает горячий чай и безучастно смотрит в газету. Он меняет положение ног каждые пять секунд, нервно подёргивая пальцами (носки перекрутились и наполовину слезли), на стуле сидеть ему неудобно, стол кажется ему маленьким. Он то и дело поглядывает на двери кухни.

На кухню заходит ВИТЯ. Кухонные часы пробивают 8:30 утра.

ПАПАВИТИ резко успокаивается, он вроде как никого и не ждал. После небольшой паузы:

ПАПАВИТИ: Ну что, малец, уже сегодня? (Смотрит на Витю, улыбается.) Ты там что, не спал всю ночь? Вон какой помятый. Подруга, думаю, такой вид не оценит.

ВИТЯ (берёт кружку из раковины, наливает чай из заварника, становится около раковины, пристально смотрит на отца): Так приятно начинать утро с твоих оценок, пап. Всю ночь ворочался и не мог дожидаться этого счастливого момента. Спасибо тебе.

ПАПАВИТИ: Ты чего, сына? Это же всё шутки, ну ты, что, не знаешь, что ли?

ПАПАВИТИ потягивает горячий чай из большой кружки.

ПАПАВИТИ: (Громко обращается к Мамевити). Мам, а ты ж уже знаешь новости? (Очень возбуждённо) Гостья у нас сегодня! Дождались наконец!

МАМАВИТИ (Из зала, перестаёт пританцовывать и гладит бельё, немного возмущённо): Ты там думаешь, я глухая или давно уже покойница? Решил на весь подъезд проораться с утра пораньше, отец? Соседи, бедолаги, и без того не спят от твоего храпа, дай хоть лишний часок людям вздремнуть. (Продолжает гладить бельё). Кто у нас сегодня?

ПАПАВИТИ: (Мамевити) Девушка Витина придёт знакомиться! (Вите) А ты молодец, сынок! Мы уже с мамкой веру потеряли... Сколько ж можно по дворам и по походам этим тягаться... (радостно) Сегодня наконец познакомимся с будущей хозяйкой!

ВИТЯ (*поперхнулся чаем*): Про хозяйку это ты загнул, отец. Мы с Алёной всего полгода встречаемся.

ПАПАВИТИ (*Мамевити, громко*): Ой, мам, слышишь, а Расскажи ему сколько мы встречались перед свадьбой, а? (*довольно улыбается, начинает беспокойно радостно ёрзать на стуле*). П-п-пять свиданок, Витька, пять, п-п-понял? И вот уже вместе тридцать лет... Как видишь... Счастливых лет, прошу заметить.

ВИТЯ допивает чай, ставит кружку в раковину, протягивает руку отцу на прощание, идёт в прихожую, обувается.

ПАПАВИТИ (*выходит за ним, становится в кухонном проёме, говорит мягким голосом, поучительно*): А вообще, сынок, главное, чтобы девушка твоя хозяйкой хорошей была, как мужчина тебе говорю – так приятно, когда дома порядочек, всё наготовлено, всё чистенькое. Тогда не пропадешь, сынок, как есть тебе говорю. Вот это и есть любовь настоящая.

МАМАВИТИ закатывает глаза, и произносит: “Аминь”, трижды плюет на утюг, продолжает гладить.

ВИТЯ на несколько секунд поднимает голову, пристально смотрит на отца, продолжает обуваться.

ПАПАВИТИ ещё пару мгновений стоит в кухонном проёме, затем, изо всех сил дотягивается рукой до обеденного стола, берёт кружку с чаем, автоматически студит его, хоть чай уже и остыл. Посёрбывает с удовольствием.

ПАПАВИТИ: Так во сколько вы будете?

ВИТЯ: Договорились на семь.

ПАПАВИТИ: Ну, давайте, на семь. Мама нам вкусенького приготовит!

ВИТЯ (*затягивая шнурок на кроссовке потуже*): Это необязательно.

МАМАВИТИ (*вполголоса, почти не слышно, со вздохом*): Ну что, добро пожаловать в артель “Никому не видимая (*протяжно*) ра-бо-та”. Устала-не устала – не интересуется, главное приготовить, погладь, помой – каждый-каждый день одно и то же (*начинает быстро и нервно гладить бельё*)... А чего среди этой рутины хочется мне, как, где и с кем я хочу провести этот вечер не так уже и важно? Это совсем не важно? (*успокаивается, продолжает гладить медленней*).

МАМАВИТИ переводит взгляд на телевизор, там всё ещё идёт концерт. Она долго смотрит на экран, в это время бельё начинает подгорать под раскалённым утюгом.

МАМАВИТИ замечает это только по запаху.

МАМАВИТИ: Ну, с меня хватит. (*Убирает утюг в сторону, подходит к зеркалу*). Уважаемый пассажир, да уберите же вы ноги с моей шеи.

ПАПАВИТИ (*Вите*): Всё, давай, с богом, сынок!

ВИТЯ берёт рюкзак и выходит из квартиры, двери закрываются, но он ещё слышит как удаляются шаги ПАПАВИТИ и его радостное насвистывание.

ВИТЯ опирается о стену около квартиры, нервно теребит в руках рюкзак. ВИТЯ отрывается от стены и медленно идёт вниз по лестнице, ведя по дороге ключом по краске на стенах. Звук неприятный и царапающий, но ВИТЮ он успокаивает. ВИТЯ выходит из подъезда, руки его немного дрожат. Он останавливается около своего велика, набирает и отправляет СМС абоненту Л <3 со следующим текстом:

СЕГОДНЯ ТОЧНО.

Он садится на велик, выпрямляет спину и едет по раздолбанному асфальту. ВИТЯ оглядывается по сторонам, с умилением рассматривает всё вокруг.

Дзея 4. Добры дзень

АЛЁНА пад'язджае да офіснага будынка. Хутка паркуе ровар, напраўляе прычоску.

АЛЁНА (Ровару): Ну што, Ракета, вось і даляцелі. І ўсяго на 4 хвіліны пазней. Сёння рэкорд, віншую нас! Я пабегла, да абеду, малыш, не сумуй!

Забягае ў цэнтральны ўваход.

АЛЁНА (Вахцёру): Добры дзень, Мікалай Віктаравіч! У вас сёння вельмі сімпатычная кашуля! Стылёва выглядаеце!

Вахцёр шырока ўсміхаецца і працягвае запаўняць паперы. АЛЁНА хутка ўздымаецца на лесвіцы, прытыняецца на секунду на другім паверсе.

О, які ўсё ж чароўны выгляд з гэтага пралёта! Чароўны!

Уздымаецца вышэй, пазнае свой офісны паверх, мяняецца ў твары.

Не хачу, не хачу, не хачу... але ж трэба!

Хвіліну стаіць перад белымі пластыкавымі дзвярыма ў офіс, размінае рукі, шыю, нарэшце ўваходзіць унутр. Яна бачыць нервовага ЖЕНЮ, але бадзёра ідзе да свайго працоўнага месца.

АЛЁНА: Здароў, Жэня. Выбачай, троху спазнілася.

ЖЕНЯ (подрывається с места, подходит к АЛЁНЕ): Спасибо, что не на 25 минут, как позавчера, а всего на 10. Клиент уже ждёт, давай быстрей.

АЛЁНА (сцягвае штаны, надзявае спадніцу і офісныя чаравікі): Сёння па дарозе не было экстрэму, толькі стандартныя перашкоды. Ну што, прыступаем? Бачыш, як я хутка? Ужо гатовая.

ЖЕНЯ: Мы ещё потом поговорим. Идём.

АЛЁНА напраўляе вопратку, шырока і шчыра ўсміхаецца, ЖЕНЯ улыбаецца напружэнно. ЖЕНЯ і АЛЁНА заходзяць у залу, зачыняюць за сабой дзверы, чуваць голас ЖЕНИ.

ЖЕНЯ: Добрый день, Виктория, а вот и моя коллега Алёна, добралась наконец-то! Пробки, женщина за рулём, сплошные приключения, ну вы пони... (Смуцённо). Впрочем, мы можем начинать.

ВИКТОРИЯ (повторяет интонацию ЖЕНИ): «Женщины за рулём»? Вы серьёзно? Это очень замшелый стереотип, Евгений. (Доброжелательно обращается к АЛЁНЕ). Алёна, я вот очень люблю женщин на дороге, они намного аккуратней и внимательней. За 10 лет стажа я в этом убедилась окончательно. Алёна, так, а что вы водите?

АЛЕНА (шырока ўсміхаецца). Самы лепшы транспартны сродак – веласіпед.

*Слышно, как ЖЕНЯ закашливается.
Белы шум на 3 хвіліны.*

Дзея 5. Пляны на вечар

АЛЁНА піша ў мэсэнджары ВІЦЮ.

АЛЁНА: Прывет, золатка <3
Вызвалюся параней, зганяем куды?
Заманалася на працы, хачу развязацца.
У мяне ёсць буцікі і пара яблыкаў
з пазаўчора))
ЯБЛЫКІ))))))

ВІЦЯ: прывет крошка
забыла што у нас сёгодня смотрыны? :D

АЛЁНА: Блііііна, Віцёк!
Сёння ж 5-ае! Аааааа!.....

ВІЦЯ: да ето я балда не напамніл тебе вчера
дагаварывалісь же

АЛЁНА: Усё ок, я буду
не хвалюйся
А якой сустракаемся?

Паўза.

Я ажно бадранулася, чуеш)
Нібыта ледзь не прафукала іспыт ва ўніверы))
Цяпер да вечара дажыву дакладна, алілуя (haha)

ВІЦЯ: доживёшь, куда ж ты денешся)
Догаворілісь на 7, давай чут пораньше может

АЛЁНА: Окі, у 18:30 буду на азарэнні.

ВІЦЯ: отлічно
до вечера
(big hugs)

АЛЁНА: :* :*

Дзея 6. Новыя абставіны

Пасляабедзенны сонны офіс. І АЛЁНА і ЖЭНЯ хочуць спаць, перыядычна ціхенька пазяхаюць, але старанна працуюць за кампутарамі. АЛЁНА сядзіць заклаўшы ногі пад сябе, у навушніках, ціхенька падпявае і жвава круціцца на крэсле. ЖЭНЯ сидит с очень ровной спиной, но беспокойно ёрзает на стуле. ЖЭНЯ часто смотрит на АЛЁНУ, протирает монитор от пыли, перекладывает бумаги на столе с места на место.

ЖЕНЯ: Алёна!

АЛЁНА не чуе. Грае яе любімая песня, гучнасць яе падпявання трошку павялічваеца.

ЖЕНЯ: Алё-ё-ёна!

ЖЕНЯ берёт лист бумажы, комкае яго і бросает на Алёнин стол. АЛЁНА шырока пасміхаеца, здымае навушнікі і паварочваеца да ЖЕНИ.

АЛЁНА: Жэнь, гэта апошняя песня, абяцаю! Ну не магу не падпяваць, такая яна гарачая! Хочаш, уключу ў калонкі, паслухаем разам?

ЖЕНЯ: Я по-другому вопросу. Сегодня нужно задержаться на работе до семи, мы так решили с руководством. Считай это небольшой компенсацией с твоей стороны за эти твои ежедневные трёхмесячные опоздания.

АЛЁНА (*спакойна*): Жэнь, я ўсё разумею, але сёння ніяк, у мяне на вечар планы. Застануся заўтра.

АЛЁНА паварочваеца да кампутара, надзявае навушнікі, уключае музыку.

ЖЕНЯ: Планы на вечер? Не понял.

ЖЕНЯ пише в мессенджере Алёне: «Сними наушники, у меня не всё». АЛЁНА паварочваеца да ЖЕНИ, вельмі павольна здымае навушнікі.

ЖЕНЯ (*с ухмылкой*): Да что у тебя за планы? Может, покатушки? (*серьёзным тоном*). Я повторяю, сегодня _нужно_ задержаться на работе до семи.

АЛЁНА (*сур'эзна, засяроджана*): Жэня, раз табе так трэба, ты і заставайся. Ты што, адраджэнец прыгоннага права? Адкуль гэты прыказны тон? Мой рабочы дзень да 18 і я паўтараю апошні раз, што сёння не магу...

ЖЕНЯ (*прерывает Алёну, раздражается*): Слушай, меня совсем не интересует твоё “могу-не могу”. Раз нужно, значит останешься. Сегодня ты меняешь планы и дорабатываешь. Или завтра же на твоё место придёт Люба с 5-ого, она уже давно к нам просится. Так что даже не думай соскакивать.

АЛЁНА рэзка разварочваеца да свайго кампутара, апускае ногі на падлогу, сядзе ў крэсле роўна, пачынае даволі гучна і хутка набіраць тэкст. Моцна сціскае нагамі ножку офіснага крэсла. Праз 2 хвіліны АЛЁНА бярэ кубак са стала, выходзіць у суседні пакой і з усяе моцы разбівае яго аб падлогу. АЛЁНА з палёгкай, працягла выдыхае, схіляеца над разбітым кубкам і пачынае перабіраць аскепкі голымі рукамі, разглядае іх. Фарфор шкрабеца аб ламінат.

АЛЁНА (*задуменна, даволі ціха*): У любой незразумелай сітуацыі – бі кубкі, Алёнка. Стане лепей.

ДЗЕЯ 7. Адна

МАМАВИТИ сидит одна в притемнённом зрительном зале, на сцене много людей. Они заняты своими делами – кто-то распевается и громко говорит, кто-то делает разминку, кто-то выставляет декорации и свет. Шумно. МАМАВИТИ теребит в руках

сумочку, немного волнуется, но очень внимательно наблюдает за движениями людей, они ей нравятся.

МАМАВИТИ (*задумчиво, размеренно*): Сколько себя помню, я всегда хотела быть на сцене. Петь, танцевать, играть – неважно что. Все театральные и танцевальные секции Лоева были моими. Мама ещё смеялась, что я записалась куда только можно, “абы гарод не палочь” (*горько улыбается*). Ну, отчасти это было правдой. Когда я приехала в Минск на учёбу, то поняла, что никому мой талант здесь и бесплатно не нужен – связей не было, друзей особо тоже. В какой-то момент я проснулась и почувствовала, что мой творческий потолок так остался в Лоеве – в ДК и школе, в театральном кружке. На следующий год после переезда в Минск я и выскочила замуж – это вроде как сейчас я понимаю, что это всё было скорей от внутренней пустоты и разочарования. Чтобы приглушить свои тяжесть и боль. Но ведь тогда влюбилась на самом деле! А когда влюблена, кажется, что весь мир меняется к лучшему... (*пауза, сглатывает слюну*). Не знала же я, что ко мне, именно ко мне и вернётся эта бытовая каторга, от которой я бежала всё своё детство. Что спасения от внутренней пустоты не найти ни за каким мужем... До рождения Витьки мы ещё, бывало, ходили в кино или театр. Или я сама забегала после работы. А когда сын появился, то нам остались только цирк и утренники – ежеквартальная семейная “культурная программа”. На работе работа, близких друзей так и не появилось, а дома готовка, уборка, стирка – этот бытовой ад. И так почти 30 лет моей драгоценной жизни. (*С минуту наблюдает за происходящим на сцене*). Я недавно абсолютно случайно, как и бывает со всем самым важным в жизни, познакомилась с актёром, он работает тут, в театре. Сходила на театральную постановку впервые за долгие-долгие годы и после этого снова почувствовала вкус этой прекрасной жизни. (*Глаза загораются*). Теперь я готова дневать и ночевать тут, в театре, только наблюдать, дышать им и мне больше ничего не нужно. Только что Витька... Но он поймёт, я знаю (*с лёгкой грустью и задумчиво смотрит перед собой*). 30 лет пустоты, сынок, это слишком долго, чтобы терпеть и дальше. Дома записка и рыбные котлеты. Я тебя люблю.

Свет от прожекторов попадает на МАМАВИТИ и задерживается на ней, она радостно щурится, прикрывает лицо рукой. Слёзы начинают капать из её глаз. Она счастливо улыбается.

ГОЛОС ИЗ-ЗА ПРОЖЕКТОРА: Это, блядь, кто в зале? Тут храм искусства, на хер, или проходной двор?

Дзея 8. Вечаровы горад

АЛЁНА выбягае з офіса, доўга шукае ключы, некалькі разоў спрабуе ўставіць іх у роварны замок – не атрымліваецца, не атрымліваецца, зноў не. АЛЁНА закідвае галаву назад, трасе ёй некалькі разоў, шумна выдыхае. Спрабуе яшчэ раз: ключ устаўлены, замок адкрыты. Яна сядзе на ровар, але адразу не едзе, хутка паглядае ў бок вуліцы, затым на гадзіннік.

АЛЁНА: Блін! Блін! Ужо 40 хвілін! Як я паспею?... (*Алёна з замілаваннем і лёгкім смуткам глядзіць на ровар*) Але я цябе тут не пакіну, дружа... (*Сядзе на ровар, упэўнена ставіць рукі на стэрно, пачынае набіраць хуткасць, паглядае па баках, выязджае на свабодную праезджую частку*). Усе роварныя багі і багіні, калі ласка, зрабіце так, каб нашая сённяшняя гонка была без перашкодаў! І, як можна, яшчэ каб поту па дарозе паменей, а то Віцькавы бацькі гэта дакладна “зацэняць”, хех.

АЛЁНА азіраецца па баках, едзе ўважліва, але трошку віляе на дарозе. Кіроўцы аўтамабіляў трапляюцца рэдка, але амаль увесь час падразаюць яе, сігналяць, паглядаюць на яе з вокнаў аўтамабіляў з непаразуменнем ці агідай. АЛЁНА стараецца не звяртаць увагі, але ёй неспакойна, рукі патрэсвае. АЛЁНА пад'язджае да вялікага скрыжавання, становіцца на чырвоным светлафоры. Стаіць першая ў шэрагу, злева і ззаду таксама машыны, усе даволі напружана чакаюць.

Вецер дзьме АЛЁНЕ ў спіну, АЛЁНА насалоджваецца ім, гэта вельмі дарэчная свежасць пасля 5 км стрэсавай дарогі. У гэтае імгненне ўсё вакол напайняецца святлом і прывычны горад пачынае выглядаць для АЛЁНЫ па-новаму. Людзі ў машынах лагодныя і ветлівыя, усміхаюцца, АЛЁНА заўважае стрыманую і велічную архітэктурную дамоў уздоўж праспекта, вечаровае сонца, што спускаецца на горад, упрыгожвае яго новымі фарбамі. Вось ідзе стылёвая сталая дама з сабачкам, а вось па тратуары едзе мама з дзіцёнкам на ровары, яны весела балбочуць.

Рэдка, але вялікія моцныя дрэвы стаяць так блізка, ля самай дарогі, АЛЁНА дакранаецца да маладой таполі, на пару секунд прымружвае вочы ад задавальнення.

Чырвонае святло светлафора. Злева пачынаецца рух аўтамабіляў. Праз імгненне радасную АЛЁНУ абдае магутным патокам вады. Гэта аўтамабіль, які змывае з асфальту бруд і смецце, памыў і раварыстку на праезджай частцы. Напарнік, які ехаў за ім, зрабіў тое самае – інструкцыі, асфальт мусіць быць чыстым.

АЛЁНА працірае акуллары ад вады, яна наскрозь мокрая. Зялёнае святло, яна набірае хуткасць і едзе-едзе-едзе, яна ж абяцала быць у час.

Дзея 8. СМС

На гадзінніку 18:45, ВИТЯ стаіць ля крамы “Азарэнне”, паліць, набірае нумар на мабільным, тэлефануе, абанент не адказвае. Ровар ляжыць побач. ВИТЯ піша СМС абанету Л <3 з наступным тэкстам:

ОЧЕНЬ ЖДУ

Дзея 9. Не так

ПАПАВИТИ сидит на унитазе с отвёрткой и баллончиком в руке, весь перемазанный белой пеной.

ПАПАВИТИ: Я как вернулся домой около 17, так сразу стал готовиться: помылся, побрился, костюм достал новый, мы его на Витькин выпускной покупали. С тех пор только два раза носил, и те дома. Надел, посмотрел – вот красота, сидит как влитой, как-будто и не было тех 10 лет. (Недовольно). Вот только вихор этот несчастный на голове жизни не даёт – стоит дыбом и всё! Что мы с ним только не делали – и стригли, и парили, баба Маня, помню, целый месяц молитвы на него шептала, а один раз даже сухой коровьей лепёшкой натёрла – ему что с гуся вода – всё равно торчит как петушинный хвост. Особенно когда важное что намечается, так вообще спасу нет – даже под шапкой не спрячешь! Как чувствует, гад. Вот и в этот раз стою я, смотрю на себя в зеркало – он торчит. Смотрю я на него, смотрю, аж злость взяла – ну что же ты будешь делать! Уж если мне он так в глаза кидается, что про остальных гаворить? Что делать? Тут вспомнил рекламу по телевизору – пенка какая-то там была – точно, вот, что мне нужно! Решил, в общем, я его уложить. Смотрю, стоит эта пенка в ванной – точно знак! А я нарядился уже, так не охота снимать костюм, помнётся ещё или так что случится. На себе надёжней. Одна

минута, всё будет быстро! (*С лёгкой грустью в голосе*). Будет быстро, да. Впрочем, взял я этот баллончик, кручу-верчу, а пену пустить не могу – и трясую, и поворачиваю под разными углами, и головку почти расковырял – слышу, внутри булькает, а наружу не идёт. Тут меня такой азарт взял! Дай, думаю, ковырну отвёрткой, должна ж ты как-то работать. (*Нервно вертится на унитазах, крутит в руках отвёртку и баллончик*). Я быстренько инструмент достал, крышку поддеваю, слышу, пошёл процесс, зашипело. Я пыхчу уже как этот баллончик, вот эта пенка, сейчас, родимая, пойдёт, не могу дождаться! И тут она каааааак полетит во все стороны! Половина ванной, руки, лицо. Костюму, как назло, досталось больше всех. На волосы ничего не попало... Намазал тем, что осталось, и причесал чутка. (*Проводит рукой с отвёрткой по вихру*). Подожду ещё полчаса, а вдруг уляжется.

ПАПАВИТИ вытирает рукавом пиджака остатки пены, приминает вздыбленный вихор рукой, через мгновение начинает менять укладку причёски на голове то в одну сторону, то в другую, повторяет процедуру более раздражённо. Он начинает активно его крутить, укладывает, но ничего не помогает. ПАПАВИТИ со злостью бросает баллончик на пол, сбрасывает с полочки косметику и ваннские принадлежности, хватается за полотенце, крутит, мнёт его и также бросает на пол. Немного успокаивается, тяжело дышит.

Через минуту ПАПАВИТИ обречённо садится на край унитаза, приглаживает вихор и ждёт когда пенка на волосах застынет. Вихор в это время медленно расправляется и торчит. Часы на кухне пробивают 18:30.

Дзезя 10. У чаканні

Квартира ВИТИ. Входная дверь открывается, заходит ВИТЯ, разувается. ПАПАВИТИ выбегает из ванной с отвёрткой в руках и торчащими в разные стороны волосами.

ПАПАВИТИ: Это что, уже семь? А где все?

ВИТЯ (*смотрит на часы*): Да, начало восьмого. Я пока без Алёны, она опаздывает.

ПАПАВИТИ: Погоди, а мама где? Она тебе не звонила?

ВИТЯ: Нет, не звонила.

ПАПАВИТИ: Набери ей, у меня снова деньги закончились.

ВИТЯ достаёт мобильный, набирает номер МАМАВИТИ.

ВИТЯ: Абонент недоступен. Может на работе задерживается, не переживай. (*Идёт в сторонку ванной*). Пойду руки помою.

ПАПАВИТИ: Не ходи туда.

ВИТЯ: Почему?

ПАПАВИТИ: Не ходи и всё. Помой на кухне.

ВИТЯ (*удивлённо*). Тогда я, пожалуй, лучше переоденусь.

ВИТЯ идёт в свою комнату.

*ПАПАВИТИ идёт на кухню, открывает холодильник, удивлённо осматривает его содержимое. На второй полке одиноко стоят консервированные помидоры в двухлитровой банке, полпачки масла и что-то непонятное оранжевое в красном пластиковом пакете. На верхней полке лежит сложенный вдвое лист А4. ПАПАВИТИ берёт лист в руки, раскрывает. Это записка от МАМАВИТИ.
«Привет. Сегодня не ждите. И завтра тоже.»*

С меня хватит притворства и боли. Эти 30 лет не были счастливыми.

PS. Рыбные котлеты в холодильнике.

Девочке от меня привет, познакомимся позже».

ПАПАВИТИ. Какие нескладные стихи. Размер не выдержан.

ПАПАВИТИ складывает записку в несколько раз, прячет в карман. Осматривает кухню, она также пуста – ни кастрюль, ни сковородок. ПАПАВИТИ бледнеет, начинает суесться. Осматривает плиту, духовку, столы – везде чисто. ПАПАВИТИ открывает кухонные шкафчики, достаёт пачки со специями и крупами, всё раздражённо перетрясает.

ПАПАВИТИ (в недоумении): Это как понимать? (Громче). Как это понимать? Чтобы меня, отца, вот так? Как это называется?

Он шумно перебирает тарелки, кружки, как будто еда может быть спрятана там, охает и растерянно моргает. Пару минут и хаос стихает. ПАПАВИТИ опадает на стул, подпирает руками лицо и начинает тихонько плакать.

На кухню заходит ВИТЯ, он видит разруху на кухне и отца, уже почти лежащего на столе лицом вниз.

ВИТЯ: Пап, не понял, что это было? Случилось что? Пять минут меня, бляха, не было!..

ПАПАВИТИ (всхлипывает, заваливается на стол ещё больше и начинает плакать уже навзрыд, говорит немного заикаясь): Витька, ты понял, да? Ничего не готово, вообще ничего. Да я же к ней всё время с ду-душой, а она... Нам что сейчас – помидоры с банки? А как же праздник, сынок? И это я после этого плохой? Я тоже должен был, п-по-понимаю, но ведь и она должна... Была... (немного выпрямляется, вытирает полотенцем слёзы).

ВИТЯ (садится близко к отцу, кладёт руку на плечо, осматривает разбросанные продукты на кухне): Ты про еду что ли?

ПАПАВИТИ (раздражённо): Да если б только про еду... (Всхлипывает, снова опускается на стол, становится плохо слышно). Сына, ты не знаешь, мама же ещё и... ууу-уу-уу (протяжно плачет), сейчас я тебе всё покажу... Она ведь, ууууу...(дальше неразборчиво из-за плача).

ПАПАВИТИ медленно приподнимается над столом, ищет в карманах записку, достаёт старые конфеты, чеки, скомканные пластиковые пакеты, транспортные и лотерейные билеты, а записки всё нет. ПАПАВИТИ нечаянно всё сбрасывает со стола, зло бормочет «да где ж ты, сука, (смущённо) извини, сынок, делась», напряжённо копошится в карманах снова.

*ВИТЯ спокойно сидит рядом, наблюдает за происходящим.
Кухонные часы пробивают 19:30.*

ВИТЯ (удивлённо и немного растерянно): Как же время пролетело! Алёна уже вот-вот придет!.. Так что случилось, пап? (Начинает убирать со стола, складывает крупы назад в шкафчик, закрывает распахнутые кухонные шкафчики).

ПАПАВИТИ по-немногу утихает, затем медленно поднимается из-за стола. Он внимательно наблюдает за сыном, смотрит на него с любовью, на лице появляется лёгкая улыбка.

ПАПАВИТИ: Вот я бардаку навёл, смотри, а? Сам от себя не ожидал. А с виду такой аккуратист (*улыбается шире*)... Знаешь, про то, что случилось, мы потом поговорим, у нас впереди ещё много времени. Ты давай приберись немного, а я нам пока котлеток нажарю, рыбных. Не так уже это и сложно.

Дзея 12. У нашым царстве парковак не прадугледжана

АЛЁНА доўга шукае на навігатары дом ВИТИ. Ёй холадна, яна дрыжыць, але ўпарта каціць на ровары па вузкіх дварах. Вакол людзі з дзецьмі, з сабакамі, ніхто не ўважае на раварыстку, адзін сабака ледзь не трапляе пад колы. Людзі мацюкаюцца, сабакі гаўкаюць, дзеці крычаць. АЛЁНА засяроджана спрабуе знайсці неабходны дом. Перыядычна гучна кажа кажа: “Увага-увага” і едзе далей. Вось неабходны дом, АЛЁНА шчасьліва выдыхае, набірае хуткасць. У змроку трапляе ў яміну, валицца на ўзбочыну, на ровары злятае ланцуг. Устае, напраўляе ланцуг, сядзе на ровар, даязджае да неабходнага пад’езду.

АЛЁНА (з уздыхам, гуліва): Эх, прыпаркавацца няма дзе, дык панясу цябе на руках, мой залаты (*усміхаецца*). Дабраліся, ура!

Дзея 13. Усё (не) па плане

Кватэра ВИТИ.

Раздаецца дверной звонок. ВИТЯ открывае дзвері, там стоіць АЛЁНА, с великом в руках, в очень влажной одежде, руки серо-чёрные от велосипедной смазки. Она промёрзшая, с высохшими почти вертикально на ветру волосами. АЛЁНА заходит в прихожую, закатывает велосипед, снимает рюкзак и начинает разуваться.

ВИТЯ (встревоженно, счастливо улыбается): Как я рад, что ты добралась. Подумал, что с тобой что-то случилось.

АЛЁНА (радасна, з запалам, але таксама ціха, крыху стомлена): О-о-о, так, яшчэ як, але я абяцала, што буду! Прышлося затрымацца на працы, а потым гэтая вар’яцкая дарога, развязка на Багушэвіча – чыстае пекла, думала, што да вас проста не даеду. А яшчэ я прыняла душ за кошт Міністэрства жыллёва-камунальнай гаспадаркі – вось гэта было напраўду прыемна – гарачы асфальт, аўтамабільныя газы – і тут раптам з’явіліся яны – ну ты ведаеш, такія тачкі-амывалкі? У выніку ўсім у нашым шэрагу памылі машыны – а мне – мяне, уяўляеш? Хахаха, ну і нумар! (*Развязвае матузкі, выпростаецца*). Я тут ровар прыцягнула, нічога? Не знайшла куды паркануць. (*Кажэ значна цішыэй*). Па-мойму, зацягнуць ровар на пяты паверх – паказчык найвышэйшай любові. (*Усміхаецца*). Толькі яму не раскажвай, добра? (*Указвае на ровар*). Бо заганарыцца (*усміхаецца яшчэ шырэй*).

ВИТЯ (сер’ёзна): Шутница! Надо было набрать, я бы помог. (*Подаёт АЛЁНЕ сухие тапки из тумбочки*) Жаль, что дорога оказалась такой тяжёлой. (*Берёт и вешает кофту АЛЁНЫ на вешалку*) Боже, ты же вся мокрая! Пойдём дам тебе сухую кофту и штаны.

АЛЁНА: Ой, не, я ў норме. Давайце знаёміцца! Паглядзі, ужо цямнее, надта не хачу позна вяртацца.

ВИТЯ: Хорошо, давай тогда горячего чайку. Идём на кухню. Мама пока не вернулась, посидим втроём.

АЛЁНА проходит на кухню, за столом с газетой сидит ПАПАВИТИ. У него красные нос и щёки, руки заклеены пластырем и в зелёнке. На кухне характерно пахнет жареным. На столе стоят консервированные помидоры и ещё тёплые рыбные котлеты. Всё это красиво разложено на двух тарелках и украшено сухими приправами. Стол накрыт на троих. Следом за АЛЁНОЙ входит ВИТЯ.

ВИТЯ (*АЛЁНЕ*): Знакомься, Алён, это мой папа. (*ПАПАВИТИ*) Пап, а это Алёна.

ПАПАВИТИ (*отрывается от газеты, встает из-за стола, быстро осматривает АЛЁНУ, подходит ближе, будто хочет обнять, но не обнимает, затем сухо, но вежливо говорит*): Здравствуйте, Алёнушка, рад познакомиться. Я папа Вити, можно просто папа. (*Вспоминает про свой раскрасневшийся вид, спохватившись*): У меня сейчас аллергия, вы на это не обращайте внимания, не болею, не заразный, вот просто немного подпух и глаза слезятся.

АЛЁНА: Добры вечар! Мне таксама вельмі прыемна пазнаёміцца! О, алергія – гэта не жартачка, у самой здараецца. А што здарылася з рукамі?

ВИТЯ: Да тут папа котлет захотел нажарить, да только подзабыл, что масло в сковородке быстро нагревается, а потом ещё и брызгает во все стороны.

ПАПАВИТИ (*смуцается*). Давно уже было, что поделать. Зато Витя сам всё дожарил, я вот даже удивился. (*Поглядывает на АЛЁНУ*). Настоящий хозяин он у нас, Аленушка, молодец большой.

ВИТЯ (*улыбается*): Па-а-ап...

ПАПАВИТИ: Ну а что “пап”, я же просто так хвалить не стану, всё по делу. (*Начинает активно крутиться вокруг стола*). Ну, присаживайтесь, Алёна. Вить, поставишь чайку? (*ПАПАВИТИ и АЛЁНА садятся за стол друг напротив друга, ВИТЯ наливает воду в чайник, включает его*). Мы тут постимся – это по здоровью, очень полезно, так у нас особо ничего скоромного и нету, извиняйте. Надеюсь, вы едите рыбу?

АЛЁНА: Шкада, але вось рыбу я акурат не ем. Чаю будзе больш чым дастаткова.

ПАПАВИТИ: Правда? Как жаль! Мы тут как раз вас ждали, чтобы поужинать. Я сегодня с самого утра ничего не ел. И неудобно как-то выходит. Может вы всё же с нами за компанию? (*Начинает выбирать вилкой разные куски рыбы, пытается положить их на тарелку АЛЁНЕ, АЛЁНА отодвигает тарелку в другую сторону*). Давайте я вам хоть маленький кусочек положу? Или вот эту половинку. Или может помидорку? Вкусные, попробуйте, это домашние, свои.

АЛЁНА: Не, дзякуй, мне сапраўды хопіць чаю.

ВИТЯ торопливо достаёт заварник, кружки. ПАПАВИТИ быстро накладывает себе в тарелку рыбную котлету, начинает её голодно жевать, тянется за помидором, быстро заедает им котлету.

ПАПАВИТИ (*жуя, чуть разобрать слова*): Так сколько вам лет, Алёна? Смотрю на вас и не понимаю.

АЛЁНА (*зdziўлена, з усмешкай*): Во, а вы так адразу да справы? Як мой брат-бізнэсмэн, той ніводнай лічбы не прапусціць. (*Пазірае на ВИТЮ*) Ты ж памятаеш Кольку, Віця?

ВИТЯ усміхаецца, згодна ківае галавой і працягвае старанна рабіць гарбату.

ПАПАВИТИ: Так, а чего ждать, дорогая? Чем раньше мы друг друга узнаем, тем лучше. Вот мне 56 и я этого не скрываю! Я считаю, очень хорошо, когда в семье никаких секретов и подвохов, все живут как люди. И в горести, и в радости. Но лучше, конечно, чтобы всё в радости, правда? А то зачем тогда жить, если нету счастья? (*Смотрит на АЛЁНУ, улыбается, жадно доедает котлету.*)

АЛЁНА: Шчасце акурат у тым, каб жыць. Я рада з вамі пазнаёміцца, але пытанні пра ўзрост мяне бянтэжаць. І, будзем шчырымі, да сям’і нам яшчэ як да Луны на параходзе, мы сёння з вамі толькі першы раз сустрэліся...

ПАПАВИТИ: С характером! Ну хорошо, Алёна, тогда давайте по-другому. Расскажите, а что вы любите делать? Чем заниматься?

АЛЁНА: О, гэта лёгка! Ехаць па складанай трасе на ровары, а потым нарэшце даехаць і прыняць ванную! Асалода неверагодная, адчуваю, нібыта я ў гэты момант трапіла ў вырай.

АЛЁНА трошку закатвае вочы, адкідваецца на спінку крэсла.

ПАПАВИТИ (*обиженно*): Послушайте, ну я же серьёзно – расскажите, какое женское занятие вам по душе? Вы умеете готовить, рубашки гладить аккуратно? Я вот об этом спрашиваю. Это важно знать, чтобы нам всё понимать с самого начала. Сейчас я услышал, что кроме велосипеда, вас особо ничего и не интересует. А это довольно сомнительное занятие для девушки, должен я вам сказать. Вот я, например, проработал на заводе всю свою жизнь. И мне это нравилось. Но я же мужчина, это ведь и ежу понятно, что работа у меня должна быть на первом месте. А на женщине семья, дети. Без этого никуда. Если женщина будет на велосипеде кататься, кто будет детей смотреть? Может бабушка? (*многозначительно смотрит на АЛЁНУ, АЛЁНА смотрит на него, почти в упор, без агрессии, но с любопытством*).

ВИТЯ (*ставит чашки на стол, бодро говорит*): Так, вот чаёк подоспел, а я предлагаю сменить тему на более приятную. (*Улыбается*). Давай без допросов, ладно, пап? Алёнка же первый раз у нас (*Обнимает АЛЁНУ за плечи*).

ПАПАВИТИ с недоумением смотрит на ВИТЮ, гордо поправляет свой торчащий клочок волос, накладывает следующую порцию котлет, медленно начинает жевать.

ПАПАВИТИ: Да-да, сынок, конечно. (*АЛЁНЕ*) Я понимаю, сейчас другое время, но вот как раньше женщин выбирали в семью? По хозяйственности, по честности, по спокойному нраву, по умениям. И это было правильно. Женщину никогда и нигде не выбирали по подвигам. Хотя, в конце концов, какие у женщины могут быть подвиги?

АЛЁНА пачынае заводзіцца ад такіх размоў. Яе патрэсвае, яна нервуецца і пакусвае вусну.

АЛЁНА: Пра жаночыя подзвігі не прынята крычаць направа і налева. Бо толькі ж мужчына можа смелым і хуткім! Усе мы ведаем пра Жанну Д'арк ці Касмадзям'янскую, але гэта толькі вяршыня айсбергу, на самай справе такіх жанчын куды больш.

ВИТЯ (*тихо, но твёрдо*): Я согласен с Алёной. Папа, говорить, что женщина что-то должна «семье» - как минимум это неэтично, семья – это ведь обоюдная ответственность.

ВИТЯ садится около АЛЁНЫ.

ПАПАВИТИ спокойно забирает последнюю котлету с тарелки.

ПАПАВИТИ. Значит, мужчина вот это вот постоянно, должен там, а женщина – это у него “неэтично”.

АЛЁНА (*адпівае крыху гарбаты, выдыхае, кажэ даволі спакойна*): Мы з вамі парознаму запланавалі сённяшнюю сустрэчу. Я хачу пабольш даведацца пра вас, раскажаць хто я і чым жыву і не хачу працягваць размову пра сапраўднае жаночае прызначэнне. Зможам асіліць такое выпрабаванне ў гэты вечар? Іначай сваркі нам не пазбегнуць, а мне гэтага вельмі не хочацца.

ПАПАВИТИ (*дожэвывае, откладывает вилку в сторону, откидывается на стул*): Милочка, тогда вообще теряется смысл всего этого мероприятия, нашей тщательной подготовки. Мы же всей семьёй вас ждали! Как же так, Алёнушка? (*Вытирает жирные губы полотенцем*). Я ведь очень переживаю за Витьку – он же всю жизнь с нами, наша опора и радость. И мне очень важно, чтобы он попал в руки к порядочной, любящей

хозяйке, чтобы не знал горя. Чтобы как у нас с мамой – 30 (запинается)... Ну а потом и больше счастливых лет! (Трогает ВИТЮ за руку). Именно поэтому я хочу о вас всё знать с самого начала. Он в такой любви вырос, очень доверчивый мальчик. Его надо беречь, вы согласны?

АЛЁНА (ціха-ціха, ВІЦЮ): Віця, ён у цябе што, вар'ят? (ПАПЕВИТИ, бодро): Я не згодная, не згодная! Віця ўжо дарослы хлопец, каб берагчы сябе самастойна, чуеце? Навошта гэтае ўмяшанне і разгляданне людзей пад лупай? Мы і самі справімся! (З лёгкім смуткам). Мы з вамі на катастрофічна розных хвалях. (ВІЦЮ, ціха) Ну і прыгода! Я нібыта праслухала курс “Асновы “Дамастрою” часоў каланізацыі. Пазнавальна, канешне, але не верыцца, што ўсё гэта ўсур'ёз.

ВИТЯ наливается краской, берёт АЛЁНУ за руку, пару мгновений благодарно смотрит на АЛЁНУ. Ему не по себе, он ёрзает на стуле, делает большой глоток чаю, но тот ещё слишком горячий, ВИТЯ обжигается, одной рукой держит АЛЁНУ за руку, второй машет на свои губы, шумно и часто дышит. Он в замешательстве, смотрит пустым взглядом на свою кружку с горячим чаем.

ПАПАВИТИ пристально смотрит на АЛЁНУ, встаёт из-за стола, начинает ходить вокруг него кругами, нервничает.

ПАПАВИТИ: А я не согласен, я отец, я должен...

ВИТЯ (напряжённо, дрожащим голосом): Пап, послушай меня, остановись, пожалуйста...

ПАПАВИТИ (прерывает): Ты меня не затыкай! От матери набрался? Буду говорить, буду, а ты слушай! Традиции – это святое, это всё правда, чистая. Если бы по-другому было лучше, то люди бы тогда так не жили – веками, тысячелетиями. Ну что я, неправ? (Очень быстро говорит дальше, АЛЁНЕ). Алёна, вы вроде как умная девушка, и сами должны всё понимать – семья – это основа, это ведь то, для чего всё в этом мире и создано: бог не зря старался, все не зря старались. (Пауза) Ведь по-другому и быть не может. Не может и всё, это закон (протяжно) при-ро-ды.

ПАПАВИТИ останавливается у стола, напряжённо смотрит на ВИТЮ и АЛЁНУ попеременно. ВИТЯ и АЛЁНА смотрят на ПАПУВИТИ. ВИТЯ встаёт из-за стола, подходит к мойке, опирается на неё.

ВИТЯ (сдержанно): Послушай, пап. Я должен сказать тебе важное... Затянул я с этим что-то... Время, вижу, пришло.

АЛЁНА пільна паглядае на ВИТЮ, яна здзіўлена, яе бровы ўздымаюцца ўверх, яна хутка бярэ ВИТЮ за руку. АЛЁНА напружваецца.

АЛЁНА (трывожна): Віць, цішэй, чуеш? Пачакай, пачакай, выдыхні. Зараз не час, чуеш?

ВИТЯ (смотрит на ПАПУВИТИ, АЛЁНЕ): Всё, Алёнка, больше откладывать некуда. (ПАПЕВИТИ): В общем, знаешь... Помнишь, Свету, про которую я рассказывал вам с мамой два года назад? Про поход в горы? Помнишь, да? Так вот не было её, пап. И Кристины, с которой мы на концерт в Варшаву ездили, помнишь? Её тоже не было. Алёнка, конечно, есть (горько улыбается), но мы не встречаемся и никогда не встречались, мы только дружим. Не было у меня девушек никогда, ни-ког-да, папа, никогда.

ПАПАВИТИ сначала съёживается, затем снова начинает ходить по кухне, рассуждает.

ПАПАВИТИ: Ох, Витя, сынок мой хороший. Какой же ты добрый мальчик. Что ты мне этим всем хочешь сказать? Привёл девушку, чтобы старика утешить? *(Грустно)*. Славный, какой ты славный. *(Подходит к ВИТЕ, обнимает его, радостно)*. Значит, решили разыграть старика. Ждал-ждал, так вот, мол, получи, успокойся. Да кто ж тебя гонит в плечи, сынок? Ну, переживаем, конечно, с матерью *(пауза)*... Но ты же ещё такой молодой! Найдёшь свою единственную!

ВИТЯ *(Медленно)*: Найду, папа, найду. Только ты не понял, искать я буду своего единственного.

ПАПАВИТИ резко отступает на пару шагов от ВИТИ. Останавливается, оборачивается в сторону ВИТИ. ПАПУВИТИ трясёт. Возвращается на шаг назад, берёт Алёнину кружку с чаем и залпом её допивает. Успокаивается, через пару мгновений проводит рукой по волосам.

ПАПАВИТИ *(растерянно)*: Алёна, скажите, у меня хохолок торчит? *(Алена утвердительно кивает головой)*. Как всегда. Никак не могу его уложить правильно, всю жизнь вот мучаюсь...

ПАПАВИТИ подходит к окну, смотрит на улицу, застывает.

ПАПАВИТИ *(с грустью)*: Витька, мы, когда с твоей мамой только поженились, только-только, буквально через месяц – мне приснился сон – как я словил большую-большую рыбу, будто сома или ещё кого похлеще. *(Вспоминает, улыбается.)* Представляешь, словил голыми руками, в чистой-чистой воде. Плыву я по реке по нашей, по Припяти моей любимой, и тут мне под руку эта рыба, вот так и просится. Я её рукой обхватил так нежно и давай к берегу. Подплыл, выхожу из воды, с этой рыбой на руках. *(ПАПАВИТИ показывает, как ходит, что делает с рыбой, его лицо сосредоточенно, но выглядит мягко)* Хожу-брожу, туда-сюда, ношу её, баюкаю, лелею: «Рыбочка, говорю, ты моя, вот так подарок теперь у меня есть. Вот какая ты вся здоровая и красивая, переливаешься на солнце, светишься, радость моя». И хожу так по берегу вперёд-назад, пока рыбка эта не начинает хвостом трепыхать – я в страхе – что же делать, куда бежать, как рыбку-то спасти? *(Тревожно)* Домой же не занесёшь, сразу оприходуют, а в воду бросать уже не хочу, ты же моя, рыбка. И бегаю так по берегу, и бегаю, что делать что не знаю. И вижу только воду вокруг и эту красоту на руках... Расплакался там прямо на берегу, как ребёнок *(смахивает слезинку, пауза)*. А потом через пару дней мама и говорит: «Тошнит меня третью ночь, будет, видать, ребёночек у нас». Так мы Витька про тебя и узнали, так и пришёл ко мне во сне, радостью и был всё это время, радостью, опорой и единственной надеждой. *(ПАПАВИТИ низко опускает голову, очень медленно говорит)* Как же так случилось, Витя? Как же так? *(Поворачивается и смотрит на АЛЁНУ И ВИТЮ попеременно.)*

Все около минуты смотрят друг на друга не отрывая глаз. Всем не по себе. Каждому и каждой в этой квартире хочется что-то сказать, но получается выжать из горла только отдельные звуки – у кого-то гортанные, у кого-то фрикативные, открытые, вздохи, кашель, междометия и другие. Через минуту все звуки в квартире стихают и гаснет свет.

ПАПАВИТИ стоит у окна в темной кухне, смотрит на горящий ночной иллюминацией город.

Прспект Независимости

Всё вокруг пусто и почти безлюдно. ВИТЯ и АЛЁНА успокаиваются, чувствуют как холодает. Уменьшают скорость, вместе петляют, но едут рядом, наконец-то неспеша заговаривают.

ВИТЯ: У меня в детстве был велосипед. Лет в 10-12. Он был такой тугой и корявый, чуть ездил, но был и был только мой. Мне его подарил дядька на день рождения вроде. Он мне очень нравился. *(Говорит с лёгкой улыбкой)* Я думал, что он мой лучший друг.

АЛЁНА. Памятаю, калі мне было 2-3 гады – я яшчэ словаў палову не ведала, а ўжо ганяла на такім маленькім, трохколавым. Усё ніяк не магла запомніць гэтае дзікае доўгае – велосіпед – ён у мяне быў і елапіседам, і лепаседам, і веліпедам... *(АЛЁНА і ВИТЯ заліваюцца хохатам)* Ты ўяўляеш? Божа, чым ён толькі не быў, усемагутны крышна...

ВИТЯ: Но ведь ты влюбилась не сразу, правда?

АЛЁНА: У велік?

ВИТЯ: Ага.

АЛЁНА: Не-не, я не так даўно расмакавала. Але ж ты ведаеш, што мяне ўжо як зачэпіць, то надоўга і па поўнай праграме. *(Усміхаецца, паглядае на ВИТЮ, ВИТЯ пасміхаецца ў адказ, глядзіць на роварнае кола перад сабой)* У нейкі момант я зразумела які гэта скарб – паездка на ровары *(Круціць галавой з боку ўбок, валасы АЛЁНЫ падхоплівае вецер, робіць з іх новую прычоску берлінскай тусоўшчыцы)*. Уяві, я еду, а побач абсалютна нікога з тых, з кім непрыемна быць. А калі нехта і трапіцца, то я ў любы момант магу абагнаць, павярнуць, адстаць. І не трэба фармальнасцяў і апраўданняў, толькі правілы дарожнага руху, толькі яны, даражэнькія. Навокал шмат колераў, шмат сілы, вось гэтае свежае паветра проста ў твар. *(З асалодай уцягвае паветра ў лёгкія, трошкіу напраўляе валасы. Задуменна кажэ)* Паездка на ровары – самы лепшы час у маім жыцці. Гэта гадзіна, часам дзве сярод цэлых сутак, калі я адчуваю сябе сапраўды шчаслівай і абсалютна свабоднай. Роварнае стырно ў руках – вось мая дарагая свабода. *(Паглядае на свае рукі на стырне, пачынае рабіць доўгія павольныя васьмёркі, глядзіць як яе вяртэцца)* *(Гуліва звяртаецца да ровара)* А ты што скажаш, дружа? Як табе са мной жывецца?

ВИТЯ *(улыбаецца, выцягивает шею в сторону велосипеда АЛЁНЫ, прислушивается)*: Может, чтобы ты поменьше курила, подруга? *(оба смеются)*. Я плохо разобрал, но он вроде как реально за тебя переживает.

АЛЁНА *(ровару)*: Твая праўда, малыш, з паленнем мне даўно трэба завязваць. *(ВИТЕ)*: Я як падумаю, што трэба мяняць адну звычку на нейкую іншую – адразу саскокваю, такая шчырая неахвота ў гэта ўвязвацца. Гэта як з людзьмі бывае, ведаеш, калі ўжо даўна-даўна трэба сказаць сказаць: “Ідзі нахер і больш ніколі не паказвайся мне на вочы”, а ты такая: “Лягу-паляжу, можа быць само пройдзе, можа ён апомніцца”. Я так два разы ўліпала, ледзь выбралася. Думаю, людзі так могуць гадамі пражыць, у гэтым салодкім сіропе бяссілля, і нават часам адчуваць што ім ок і што можа ва ўсіх так, проста трэба жыць у “нармальнай сям’і” трываць пакуль нехта з вас першы не памрэ.

ВИТЯ: Знакомая ситуация... Всю жизнь за таким наблюдаю...

АЛЁНА спыняецца, дастае з пляцака паперу, фільтр і табак, даўгавата робіць самакрутку. Салодка зацягваецца, паліць, паглядае вакол і ў неба. ВИТЯ останавліваецца рядом с ней, опирается на свой велосипед и долго смотрит как она курит. Через минуту легонько обнимает АЛЁНУ, садится на велик и начинает аккуратно ездить рядом с ней.

АЛЁНА *(задуменна, узгадвае)*: Пасля другога такога растання я праляжала ў ложку месяц – ледзь уставала, не магла бачыць людзей, мне ўсё было цяжка. І ў нейкі момант, калі я нарэшце фізічна стамілася ад гэтага стану паміраючага бегемоціка, я і ўзгадала пра

свой старэнькі бодранькі ровар. Памятаю, як папрасіла тату прывезці яго да мяне тады яшчэ на Спартыўную... (Паўза.) Тата на радасцях прыкаціў яго адразу, праз паўгадзіны. А тады быў такі хмурны-хмурны поўдзень, восень. Я толькі ўзяла кофту, пайшла так, у піжаме і тапках... Фактычна выпаўзла з пад'езда, пацалавала тату ў шчоку, села на ровар і паехала. Тата тады ажно прыфігеў, нешта ў мяне там пытаўся яшчэ, я ўжо нічога не чула, ехала сабе і ехала. (Паўза. АЛЁНА глядзіць раму ровара, глядзіць на ВИТЮ, усміхаецца.) Ага, так усё і было. (Паўза.) Звычайна я і так раблю толькі тое, што хачу, але вось і такія заліпоны здараюцца. (Паўза.) Ну і на ім ездзіць можна куды заўгодна, хоць у якія Сракавічы. Ну ці вось да вас на раёнчык (Усміхаецца, паглядае на ВИТЮ. ВИТЯ з шырокай усмешкай глядзіць на АЛЁНУ). І яшчэ я часам уяўляю быццам я невялікі, але магутны паветраны млын, які меле ў муку ўсё глупства і несправядлівасць гэтага свету. Нібыта еду на веліку – і раблю вялікую-вялікую справу. (Задуменна паглядае на свае рукі.) Вось жа ратавальніца, бляха.

ВИТЯ: Ты думаешь это возможно?

АЛЁНА: Што? Выратаваць свет?

ВИТЯ: Ну хоть бы себя спасти от этой глупости, изолироваться как-то... Ты же сегодня видела, как бывает если оставаться собой, и в придачу быть честным. Несправедливость и боль часто поджидают нас как раз там, где мы уже давно подстелили соломку и наверх красивый матрасик – типа у меня всё хорошо, я готов к любым испытаниям. А потом – хуяк – и ты снова пятилетний ребёнок, который потерялся на рынке, и чужие тётки и мужики пытаются вытянуть из тебя хоть слово. А тебе только хочется орать и махать кулаками... Кажется, от этого состояния ужаса и беспомощности спастись невозможно. Как ты думаешь?

АЛЁНА: Не ведаю як можна выратавацца, але пазбегнуць, сысці ад гэтага стану, падаецца, магчыма. І прыняць, мусіць... (паўза), таксама. Часам я зусім не магу трываць боль, а часам проста ўпэўнена, што адчуванне болю – апошняе, што мне належыць. Гэта нібы самая шчырая частка мяне жывой, не заскарузлай, не выцэртай, ты разумееш...

ВИТЯ (задумался, *продолжает разговор как будто сам с собой, периодически поворачивается к АЛЁНЕ*): Слушай, ну вот отец мой вроде родной человек, одна же кровь, блин, а такое чувство, что я их с мамой найдёныш из страны Испытаний. Я хотел бы поменьше боли, поменьше. И себе, и им тоже. (Долгая пауза.) Вот же! Надо написать Лёше! Подождёшь минутку? Пожалуйста.

АЛЁНА: Канешне! У нас з табой уся ноч наперадзе! Буду круціцца ля помніка пакуль не пасінею, а ты даганяй!

АЛЁНА з'язджае наперад, ВИТЯ достаёт из кармана телефон, очень аккуратно, но с волнением набирает СМС:

Я ЕЩЁ НЕ ВЕРЮ СДЕЛАЛИ

Ставит велосипед рядом, садится на тротуар, глубоко вдыхает ночной воздух. Нервно крутит головой из стороны в сторону, поправляет одежду, тщательно рассматривает всё вокруг. Он ждёт ответа. Через 2 минуты делает звонок. Абонент не отвечает. ВИТЯ медленно встаёт с тротуара, опирается на велик, ещё минуту смотрит на мобильный, вытирает его, поправляет чехол. Подъезжает АЛЁНА.

АЛЁНА: Пагаварылі?

ВИТЯ: Наверное, уже спит. Не хочу тревожить.

АЛЁНА: Ён абавязкова прачытае тваё паведамленне раніцай. Вось гэта будзе сюрпрыз! Ты, блін, вельмі смелы, Віцька.

ВИТЯ (*горка усміхаецца*): А у тебя ещё остался табак? Так курить охота. (*Начинает наворачивать круги на велосипеде вокруг АЛЁНЫ*). Знаешь, я думаю, он всё уже прочитал, просто не знает что ответить.

АЛЁНА: Хлопча! Ведае ён! А калі спіць чалавек, а ты тут ужо надумаў кіламетры. Давай адкладзем гэта да заўтра, мм?

АЛЁНА спыняецца, дастае з пляцака табак, паперу, фільтр, робіць самакрутку, падпальвае, зацягваецца, працягвае самакрутку ВИТЕ. ВИТЯ на ходу перыхватывае самокрутку, сбавляет скорость, крутит педали в обратную сторону, впусную и начинает курить. Он делает затяжки и медленно выпускает их перед собой тонкой струйкой. Дым рассеивается очень быстро, ВИТЯ успокаивается. АЛЁНА заскокввае на ровар, хутка едзе наперад, затым па-трошку вяртаецца назад, усё адбываецца ў поўнай цішы, чутно толькі як ВИТЯ выпускае табачны дым з роту.

ВИТЯ (*прячет погасший окурок в карман рюкзака, отрывает руки от руля, трёт друг о друга, резко поворачивается к АЛЁНЕ*): Солнце, погнали на вокзал! Мне уже не просто холодно, у меня, наверное, уже даже мозги околели.

АЛЁНА (*задуменна*): Сёння надзіва ветрана. Нібы ліпень прастудзіўся. (*Гарэзліва паглядае на ВИТЮ.*) А мы пойдзем заліпаць у ДорОрс на другі паверх? Бо калі не, то я канешне ж не згодная.

ВИТЯ (*подмигивает*): Малышка, что за вопросы! Мы без него сегодня просто не жильцы.

АЛЁНА: Ці ёсць там яшчэ тыя паскудныя смажанкі? Я такая галодная, што з'ем нават дзве і ты мяне не адгаворыш! Шкада, што буцікі і яблыкі засталіся ў вас дома. Як мы так праваронілі? (*Усміхаецца, набірае хуткасць, адрываецца ад ВИТИ.*)

ВИТЯ (*догоняет её, тихонько дотрагивается до руки, говорит загадочным тоном*): Подруга, не ешь, подумай. Нет, хотя ешь. А то вон какая худая! Кто ж тебя замуж такую сухую возьмёт! Жирок, где твой жирок, подруга? Хорошего человека, сама же знаешь...

Оба залиvisto смеются, разворачиваются и едут в сторону вокзала. Доезжают до главного входа в железнодорожный вокзал, паркуют велосипеды, заходят внутрь. Радостно о чём-то шепчутся, время от времени обнимаются-греются, АЛЁНА и ВИТЯ в хорошем настроении, хоть и замёрзли. Поднимаются на эскалаторе на второй этаж, подходят к ларьку с едой, выбирают по смаженке, становятся за столик неподалёку, едят.

ВИТЯ: Это так вкусно и одновременно очень странно – как-будто тут не колбаса, а цветной картон. Но вот это и цепляет – могу есть вообще что захочу, хоть болотную тину и даже не блевану.

АЛЁНА: Бля, Віцёк, ну так як скажаш. Вось як мне зараз гэта есці?

ВИТЯ (*начинает показывать*): Вот так, смотри: берёшь смаженку двумя руками, открываешь рот, откусывешь самый большой кусок какой только сможешь и тщательно жуёшь (*кусает и показательно жуёт*).

АЛЁНА (*падыгрывае, сур'ёзна*): Да чаго годная парада, мужчына! Вы змянілі маё жыццё! Што б я без вас рабіла?

16. Коця на ровары

Мимо АЛЁНЫ и ВИТИ проходит ЖЕНЯ. В одной руке у него пластиковый стаканчик с чаем, в другой он несёт небольшой чемодан. ЖЕНЯ останавливается около АЛЁНЫ и ВИТИ и с усмешкой смотрит на них.

ЖЕНЯ (*обращается к АЛЁНЕ*): О, так вот какие у нас были «срочные дела» на вечер. Ты придумаешь что угодно, только бы не работать.

АЛЁНА (*здзіўлена сустрэчай, жуе смажанку і кажа з лёгкай усмешкай*): Оооо, ты мяне нават тут знайшоў. (*Спакойным тонам.*) Ідзі куды ішоў, Жэня, зараз не да цябе.

ЖЕНЯ: Я-то пойду, но на работу к 9 завтра тебе, а я вообще-то в командировку. И на моём месте будет Иваныч, он твои сказки слушать не станет, понимаешь ты это? Твои эти утренние рассказы про вечно сдутые шины, поломанные светофоры и мокрые волосы. Как же я заколебался трястись каждое утро – опоздаешь ты сегодня на пять минут или на пятнадцать! (*Отхлёбывает горячий чай из стаканчика, разливает на одежду, отряхивается. Выбрасывает стаканчик с чаем в мусорку и идёт в сторону эскалатора. Поворачивается в сторону АЛЁНЫ и ВИТИ.*) Ну, приятного тебе вечера, дорогуша, и au revoir. Голубки, вы тут поздно не воркуйте, а то как бомжары стоите тут, вот честно!

ВИТЯ (*в спину ЖЕНЕ*): Иди ты нахер, чувак. (*Очень удивлённо, смотрит вслед ЖЕНЕ*): Это у вас корпоративная культура общения такая или он просто мудака?

АЛЁНА: У яго проста пажышчэвая медаль “Хамло года”, ну што з яго ўзяць. Проста траўмаваны.

ВИТЯ: И ты с ним работаешь каждый день? Какой же это эпический пиздец, малышка. Как ты ещё жива?..

АЛЁНА (*Задуменна адкладае смажанку ўбок*): Падаецца, я ўжо так прывыкла, што па-іншаму нават не ўяўляю ці можна. (*Паўза. АЛЁНА ўсміхаецца і зноў бярэ смажанку ў рукі.*) А на работу і ўпраўду спазняюся амаль кожны дзень, прыкінь?

ВИТЯ: Я бы уже давно повесился с таким начальником, не то, чтобы на работу опаздывал... И вообще у тебя явный социальный протест! Система сгнила, видишь? И ты ей сопротивляешься как можешь.

АЛЁНА: Так, мне ўжо даўно трэба развітацца з гэтым месцам. Раней неяк адвагі не хапала, ці проста нагоды. Ну і Жэня не заўжды ж быў такім гаўнюком. Узяў мяне на гэтую пасадку калі я яшчэ зусім без досведу была... (*сур'ёзна.*) Заўтра на працу я не іду. Канец, кропка.

ВИТЯ (*Загорається.*) Алёнка, ты ваще божишь сегодня! А давай ему открытку отправим? Этому твоему Жене. Прощальную, сука, открытку в самом лучшем жанре под названием “Извольте пойти на хер”.

АЛЁНА: Паштоўку?

ВИТЯ уже быстро идёт в сторону эскалатора, поворачивается к АЛЁНЕ.

ВИТЯ: Погнали, погнали, сейчас всё увидишь!

ВИТЯ и АЛЁНА бегут вниз по эскалатору, останавливаются у киоска БелСаюзДрук, выбирают открытку с множеством ярких роз и надписью «Поздравляем!». ВИТЯ достаёт из бананки ручку, что-то старательно рисует и подписывает. АЛЁНА читает надпись и долго залиvisto смеётся. ВИТЯ смеётся вместе с ней.

Внутри открытки рисунок улыбающейся кошки в платье, которая едет на велосипеде, у неё на груди висит плакат-сердце: “ГОРИ В АДУ, СЛАДЕНЬКИЙ”.

АЛЁНА бярэ ручку, падпісвае адрас. АЛЁНА І ВИЦЯ хутка ідуць на другі паверх на пошту, спыняюцца ля паштовай скрынкі і разам закідаюць паштоўку.

17. Заўтра

АЛЁНА і ВИТЯ шчаслівыя, павольна выходзяць на вуліцу, там ледзь-ледзь займаецца світанак. Яны размыкаюць ровары, АЛЁНА скручвае па самакрутцы, запальвае абедзьве, адну перадае ВИТЮ, другую паліць сама. АЛЁНА дапальвае хутчэй, тушыць цыгарэту, падыходзіць да ВИТИ і крэпка яго абдымае. ВИТЯ з цыгарэтай у роце наўзаем крэпка абдымае АЛЁНУ, на хвілінку заплюшчвае вочы. АЛЁНА ўсміхаецца, бярэ велік і павольна едзе дадому, па пакуль яшчэ ціхай Кірава, уздоўж ледзь падсветленых вуліц, па пустой-пустой дарозе. Ранішні пах гораду нападўняе яе энергіяй і радасцю. Вецер развівае валасы і вопратку.

ВИТЯ докуривает сигарету, смотрит вслед АЛЁНЕ, садится на велік и едет по Дзержинке в сторону Малиновки. Ремонт, всё перекопано, но его это не смущает. ВИТЯ с удовольствием смотрит по сторонам, время от времени едет «без рук», велосипедные шины приятно шуршат по новому ровному асфальту, фонарик освещает дорогу. ВИТЯ спокоен, счастлив, свободен.

Он достаёт мобильный и звонит АЛЁНЕ. АЛЁНА даволі хутка здымае трубку.

АЛЁНА: Віцька, ты проста не ўяўляеш, які ў мяне сёння быў шыкоўны дзень!
ВИТЯ (*ігриво-поучительно*): Такой же шикарный, как и каждый в нашей богемной угарной жизни, подруга?

ВИТЯ и АЛЁНА заливисто смеются.

АЛЁНА (*гарэзліва*): А я яшчэ і на працу не пайду! Буду цяпер жыць як тру рок-зорка! Да першай квартплаты канешне, але мне хопіць (*Смяецца*).

ВИТЯ: Вот всегда мечтал тусить с настоящей рок-звездой. Обещаю, буду периодически привозить тебе смаженки и закатки из дома. А ты будешь петь мне песни. Ну или не будешь, как захочешь. Согласна?

АЛЁНА: Замётана. З мяне падборка рок-хітоў у караоке і апцыянальна гарачая гарбата на кухні.

Шум роварных шын аб асфальт і кароткае частае дыханне. 2 хвіліны.

Канец.

Мінск, 2019 г.